

«Я сжечь ее хотел, колдунью злую»

I

После праздничной обедни прихожане расходились по домам. Иные останавливались в ограде, за белыми каменными стенами, под старыми липами и кленами, и разговаривали. Все принярядились по-праздничному, смотрели друг на друга приветливо, и казалось, что в этом городе живут мирно и дружно. И даже весело. Но все это только казалось.

Гимназический учитель Передонов, стоя в кругу своих приятелей, угрюмо посматривая на них маленькими, заплывшими глазами из-за очков в золотой оправе, говорил им:

— Сама княгиня Волчанская обещала Вале, уж это наверное. Как только, говорит, выйдет за него замуж, так я ему сейчас же и выхлопочу место инспектора.

— Да как же ты на Варваре Дмитриевне женишься? — спросил краснолицый Фаластов, — ведь она же тебе сестра! Разве новый закон вышел, что и на сестрах венчаться можно?

Все захохотали. Румяное, обыкновенно равнодушно-сонное лицо Передонова сделалось свирепым.

— Троюродная... — буркнул он, сердито глядя мимо собеседников.

— Да тебе самому княгиня обещала? — спросил щеголевато одетый, бледный и высокий Рутилов.

— Не мне, а Варе, — ответил Передонов.

— Ну вот, а ты и веришь, — оживленно говорил Рутилов. — Сказать все можно. А ты сам отчего к княгине не явился?

— Пойми, что мы пошли с Варей, да не застали княгини, всего на пять минут опоздали, — рассказывал Передонов, — она в деревню уехала, вернется через три недели, а мне никак нельзя было ждать, сюда надо было ехать к экзаменам.

— Сомнительно что-то, — сказал Рутилов и засмеялся, показывая гниловатые зубы.

Передонов призадумался. Собеседники разошлись. Остался с ним один Рутилов.

— Конечно, — сказал Передонов, — я на всякой могу, на какой захочу. Не одна мне Варвара.

— Само собою, за тебя, Ардальон Борисыч, всякая пойдет, — подтвердил Рутилов.

Они вышли из ограды и медленно проходили по площади, немощеной и пыльной. Передонов сказал:

— Только вот княгиня как же? Она разозлится, если я Варвару брошу.

— Ну, что ж княгиня! — сказал Рутилов. — Тебе с ней не котят крестить. Пусть бы она тебе место сначала дала, — окрутиться успеешь. А то как же так, зря, ничего не видя!

— Это верно... — раздумчиво согласился Передонов.

— Ты так Варваре и скажи, — уговаривал Рутитов. — Сперва место, а то, мол, я так не очень-то верю. Место получишь, а там и венчайся, с кем вздумаешь. Вот ты лучше из моих сестер возьми, — три, любую выбирай. Барышни образованные, умные, без лести сказать, не чета Варваре. Она им в подметки не годится.

— Ну-у... — промычал Передонов.

— Верно. Что твоя Варвара? Вот, понюхай.

Рутитов наклонился, оторвал шерстистый стебель белены, скомкал его вместе с листьями и грязно-белыми цветами и, растирая все это пальцами, поднес к носу Передонова. Тот поморщился от неприятного, тяжелого запаха. Рутитов говорил:

— Растереть да бросить, — вот и Варвара твоя. Она и мои сестры — это, брат, две большие разницы. Бойкие барышни, живые, — любую возьми, не даст заснуть. Да и молодые, — самая старшая втрое моложе твоей Варвары.

Все это Рутитов говорил, по обыкновению своему, быстро и весело, улыбаясь, но он, высокий, узкогрудый, казался чахлым и хрупким, и из-под шляпы его, новой и модной, как-то жалко торчали жидкие, коротко остриженные светлые волосы.

— Ну, уж и втрое, — вяло возразил Передонов, снимая и протирая золотые очки.

— Да уж верно! — воскликнул Рутитов. — Смотри не зевай, пока я жив, а то они у меня тоже

с гонором, — потом захочешь, да поздно будет. А только из них каждая за тебя с превеликим удовольствием пойдет.

— Да, в меня здесь все влюбляются, — с угрюмым самохвальством сказал Передонов.

— Ну, вот видишь, вот ты и лови момент, — убеждал Рутилов.

— Мне бы, главное, не хотелось, чтобы она была сухопарая, — с тоскою в голосе сказал Передонов. — Жирненькую бы мне.

— Да уж на этот счет ты не беспокойся, — горячо говорил Рутилов. — Они и теперь барышни пухленькие, а если не совсем вошли в объем, так это только до поры до времени. Выйдут замуж, и они раздобрют, как старшая. Лариса-то у нас, сам знаешь, какая кулебяка стала.

— Я бы женился, — сказал Передонов, — да боюсь, что Варя большой скандал устроит.

— Боишься скандала, так ты вот что сделай, — с хитрою улыбкою сказал Рутилов, — сегодня же венчайся, не то завтра: домой явишься с молодой женой, и вся недолга. Правда, хочешь, я это сварганю, завтра же вечером? С какую хочешь?

Передонов внезапно захохотал, отрывисто и громко.

— Ну, идет? По рукам, что ли? — спросил Рутилов.

Передонов так же внезапно перестал смеяться и угрюмо сказал, тихо, почти шепотом:

— Донесет, мерзавка.

— Ничего не донесет, нечего доносить, — убеждал Рутитов.

— Или отравит, — боязливо шептал Передонов.

— Да уж ты во всем на меня положишься, — горячо уговаривал его Рутитов, — я все так тонко обстрою тебе...

— Я без приданого не женюсь, — сердито крикнул Передонов.

Рутитова нисколько не удивил новый скачок в мыслях его угрюмого собеседника. Он возразил все с тем же одушевлением:

— Чудак, да разве они бесприданницы! Ну, что же, идет, что ли? Ну, я побегу, все устрою. Только чур, никому ни гугу, слышишь, никому!

Он потряс руку Передонова и побежал от него. Передонов молча смотрел за ним. Барышни Рутитовы припомнились ему, веселые, насмешливые. Нескромная мысль выдавила на его губы поганое подобие улыбки, — оно появилось на миг и исчезло. Смутное беспокойство поднялось в нем.

«С княгиней-то как же? — подумал он. — За теми гроши, и протекции нет, а с Варварой в инспекторы попадешь, а потом и директором сделают».

Он посмотрел вслед суетливо убегающему Рутитову и злорадно подумал: «Пусть побегает».

И эта мысль доставила ему вялое и тусклое удовольствие. Но ему стало скучно оттого, что он — один; он надвинул шляпу на лоб, нахмурил

светлые брови и торопливо отправился домой по немощеным, пустым улицам, заросшим лежачею мшанкою с белыми цветами, да жерухой, травой, затоптанною в грязи.

Кто-то позвал его тихим и быстрым голосом:
— Ардальон Борисыч, к нам зайдите.

Передонов поднял сумрачные глаза и сердито посмотрел за изгородь. В саду за калиткою стояла Наталья Афанасьевна Вершина, маленькая, худенькая, темнокожая женщина, вся в черном, чернобровая, черноглазая. Она курила папироску в черешневом темном мундштуке и улыбалась слегка, словно знала такое, чего не говорят, но чему улыбаются. Не столько словами, сколько легкими, быстрыми движениями зазывала она Передонова в свой сад: открыла калитку, посторонилась, улыбалась просительно и вместе уверенно и показывала руками: входи, мол, чего стоишь.

И вошел Передонов, подчиняясь ее, словно ворожащим, беззвучным движениям. Но он сейчас же остановился на песчаной дорожке, где в глаза ему бросились обломки сухих веток, и посмотрел на часы.

— Завтракать пора, — проворчал он.

Хотя часы служили ему давно, но он и теперь, как всегда при людях, с удовольствием глянул на их большие золотые крышки. Было без двадцати минут двенадцать. Передонов решил, что можно побыть немного. Угрюмо шел он за Вершиною по дорожкам, мимо опустелых кустов черной и красной смородины, малины, крыжовника.